

Он прижал руку к груди, сжимая ткань одежды. Это чувство было странным, неописуемым, как будто черно-белый рисунок вдруг раскрасился.

В последующие дни он просил водителя останавливаться там же, пробуя все виды булочек из закусочной «Чжунцзи».

Водитель думал: разве они невкусные? На третий день он тоже купил одну. Булочка была тонкой, с сочной начинкой, ароматной. Что в ней могло быть невкусного?

Каждый раз они останавливались на несколько минут, а затем уезжали. Это стало его привычкой. Позже водитель рассказал об этом Юй Чжэнъяню, и в конце месяца за ужином на столе появилась маленькая корзинка с булочками. Однако Юй Минлан даже не притронулся к ним.

Юй Чжэнъянь удивился и спросил:

— Разве ты не любишь булочки? Я специально попросил принести их. Тебе больше не нужно будет беспокоиться, эта закусочная будет присылать их каждый день.

Но он не увидел на лице сына ни капли радости. Юй Минлан лишь медленно опустил палочки для еды, уставившись на корзинку с булочками. Положив палочки на тарелку, он наконец ответил:

— Спасибо, папа.

На следующее утро Юй Минлан стоял у лестницы на втором этаже учебного корпуса. В руках он держал серый термос, прислонившись к холодной плитке стены.

Только что прозвенел звонок на перемену, ученики входили и выходили из классов, шаги звонко отдавались в коридоре. Несколько студентов вышли подышать воздухом, его внешность выделялась в этой обстановке. Стройная фигура, красивое лицо, аккуратная школьная форма — все это привлекало внимание. Неподалеку стояли несколько парней, расслабленно опираясь на перила, перешептываясь друг с другом. Они смотрели на него, смеясь, с легким налетом наглости, словно были избалованными детьми богатых семей.

В этой школе было много детей из состоятельных семей. Те парни стояли с расстегнутыми пиджаками, белые рубашки выглядывали из-под них, они смотрели на Юй Минлана с насмешкой.

Самый высокий из них вдруг крикнул ему:

— Эй!

Юй Минлан оставался безучастным, его глаза пристально смотрели на класс напротив, где висела табличка: 11 класс (7-й поток).

С его точки зрения было видно множество незнакомых лиц, кто сидел, кто стоял.

Парень, который крикнул, не получил ответа и был осмеян своими друзьями. Они смеялись, а он, посмотрев на Юй Минлана, обменялся парой слов с товарищами и направился к нему.

Он подошел прямо к Юй Минлану, полностью закрыв его обзор. Высокий, с чуть смуглой кожей и приподнятыми бровями, он спросил:

— Ты из какого класса?

Едва он закончил, Юй Минлан через узкий промежуток между ним и стеной увидел, как Ци Сэнь и номер четырнадцатый вышли из класса, смеясь и разговаривая, направляясь в туалет. Его глаза загорелись, и он оттолкнул парня:

— Извините, дайте пройти.

Парень стоял небрежно и не ожидал, что тонкая рука Юй Минлана окажется такой сильной. Он пошатнулся.

Когда его оттолкнули, он с удивлением посмотрел на удаляющуюся фигуру и выругался:

— Черт!

Ци Сэнь и номер четырнадцатый зашли в туалет. Юй Минлан, взглянув внутрь, последовал за ними. Они стояли у соседних писсуаров, а он встал рядом с номером четырнадцатым, отделенный от Ци Сэня.

Ци Сэнь, вероятно, не помнил его. Для него это была всего лишь мимолетная встреча. Он даже не взглянул на Юй Минлана, который, подняв голову, смотрел в потолок, медленно расстегивая ремень.

Из их разговора было ясно, что эти двое были очень близки. Юй Минлан держал ремень, не двигаясь. Его нос улавливал запах дезинфицирующего средства, и он медленно выдохнул.

Донесся звук воды, и вдруг он услышал, как номер четырнадцатый воскликнул:

— Вау, Ци Сэнь, у тебя такой большой!

Ухо Юй Минлана дрогнуло, он слегка повернул голову и увидел, как Ци Сэнь ударил номер четырнадцатого по голове, заставив того вскрикнуть от боли. Ци Сэнь прошептал:

— Тише!

Когда они закончили и прошли мимо, в его периферийном зрении мелькнула покрасневшая

шея Ци Сэня, аж до ушей.

Он даже не пописал, даже ремень не расстегнул. Когда они вышли, он медленно застегнул ремень, размышляя над их разговором. Но в его голове всплыл образ шеи, покрытой красноватым румянцем, с четкими линиями мышц.

Номер четырнадцатый обнял Ци Сэня за плечо, они были почти одного роста, и, разговаривая, казалось, их головы почти соприкасались. Юй Минлан моргнул, облизал сухие губы, открыл термос и глотнул воды, увлажняя пересохшее горло. Они действительно близки, подумал он.

Они свернули в класс, а он стоял и смотрел, как они идут от туалета до класса, и краснота на шее Ци Сэня не спадала. Как только они вошли, прозвенел звонок на урок. Класс Юй Минлана был на пятом этаже, но он поднимался не спеша, словно прогуливаясь. Хотя директор устно пообещал не разглашать информацию о Юй Минлана, по тому, как учителя уделяли ему внимание, было ясно, что он все еще был сыном семьи Юй.

Изворотливые люди всегда преуспевают в обществе. Хотя Юй Чжэнъянь говорил, что не хочет, чтобы его сын получал особое обращение, он все же был отцом. Директор, сидя в кабинете, размышлял целый день: даже самый строгий человек имеет слабости к своему ребенку. Он лишь слегка намекнул на собрании, но учителя в этой школе были не дураками и сразу поняли.

По дороге домой Юй Минлан вдруг сказал дворецкому:

— Говорят, в школе есть ученики, которые живут в общежитии.

Дворецкий повернул голову и ответил:

— Да.

Большинство учеников этой школы были из состоятельных семей, и их обычно забирали на машинах, но некоторые все же жили в общежитии.

Дворецкий погладил часы на руке, пытаясь угадать мысли Юй Минлана.

Сидящий сзади слегка наклонился вперед, на губах появилась легкая улыбка, что делало его похожим на послушного ребенка. Обычно он редко улыбался, но когда улыбался, это было трудно игнорировать. Благодаря хорошим генам родителей, он выглядел как будто капризничал, когда проявлял слабость.

Дворецкий посмотрел на его черные волосы и слегка замер. С этого угла лицо Юй Минлана казалось мягким, как у кошки, которая просит, чтобы ее погладили. Он вспомнил, как маленький Минлан забирался к нему на колени, прося обнять. Сердце его смягчилось, и он улыбнулся:

— Что случилось? Почему ты хочешь жить в общежитии?

Юй Минлан сжал губы, делая вид, что размышляет:

— Мне кажется, что каждый день так ездить утомительно, и вам тоже тяжело.

Улыбка дворецкого не сходила с лица:

— Это не сложно. Заботиться о молодом господине — моя обязанность. Ваш отец нанял меня именно для этого.

Юй Минлан положил руку на спинку переднего сиденья, слегка постукивая пальцами. Дворецкий незаметно наблюдал за его движением. Эта черта была унаследована от отца: когда он о чем-то думал, он всегда так делал. Дворецкий знал, что у Юй Минлана были свои планы, иначе он бы не завел этот разговор.

Он спросил:

— Если я скажу папе, ты думаешь, он согласится?

Дворецкий задумался:

— Не знаю. Это зависит от решения господина. Но, по личному мнению, он, вероятно, предпочтет, чтобы вы оставались в доме.

Если бы не дворецкий, Юй Минлан, возможно, рассмеялся бы. Какая еще личная причина? Разве он видел ее? Кроме первых нескольких ночей, когда Юй Чжэнъянь возвращался домой, они редко виделись. Этот красивый дом был словно клетка, душившая его. Был ли у его отца хоть какой-то личный интерес? Да, страх, что он натворит глупостей. Как отец, он должен был контролировать поведение сына. Иначе зачем бы он держал дворецкого рядом? За три года в Мельбурне он не видел особого внимания со стороны отца. Вероятно, тот инцидент заставил Юй Чжэнъяня вздрогнуть, и у него появилась эта «личная причина».

<http://bllate.org/book/15288/1350669>